

УДК 323.2

НЕКОНВЕНЦИОНАЛЬНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ В ЗАПАДНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД

Максимова Е. Н.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

E-mail: astarta_05@mail.ru

В статье поднимается проблема концептуализации неконвенционального политического участия. Анализируются подходы к пониманию неконвенционального участия, сложившиеся в западной политической науке, осуществляется их сравнение с подходами, используемыми в отечественной политологии к данному роду явлений. Автор прослеживает трансформацию подходов к неконвенциональному политическому участию в зарубежной науке, начиная с 1970-х гг. и по настоящее время. Выявлены определенные изменения в понимании исследуемого феномена в западной политической науке: конвергенция конвенциональных и неконвенциональных форм партиципации; расширение и ветвление типологий политического участия; адаптация политических систем к политическим протестам и др. Отмечается, что в отечественной политологии при наличии различных подходов к пониманию неконвенционального участия преобладают позиции, акцентирующие внимание на его дестабилизирующем потенциале, наличие которого подтверждается конкретными случаями политической практики. В заключение автор приходит к выводу, что западные концепции неконвенционального участия не могут быть в полной мере использованы для объяснения неконвенциональной партиципации в России.

Ключевые слова: политическое участие, неконвенциональное политическое участие, политический протест, политическая система.

В настоящее время политической сфере общества характерен высокий динамизм, который выражается в появлении новых форм политической коммуникации, изменении форматов политических процессов, проявлении до сих пор неизвестных эффектов отдельных политических действий. Динамизм и изменчивость, свойственные современным политическим процессам, актуализируют проблему обеспечения устойчивости и стабильности политических систем. В этом отношении представляет интерес такой фактор стабильности политической системы как политическое участие. Практика последних двух десятилетий, в частности на постсоветском пространстве, показала значимость отдельных форм политического участия и возможность их влияния на устойчивость политической системы.

Концептуализация политического участия осуществлялась в рамках теорий демократизации в западной политической науке. В отечественной политологии вопросы политического участия и его форм вызвали интерес исследователей в

1990-е гг., что непосредственно было связано с трансформационными процессами в обществе и формированием новой политической системы, контуры которой были в тот момент не очевидны. Российские исследователи, стремясь осмыслить специфику новой системы и форм политической активности на постсоветском пространстве, опирались, прежде всего, на зарубежную теоретическую базу. В последние два десятилетия интерес к проблематике политического участия значительно возрос, «цветные» революции, их социально-политические последствия послужили толчком к новым исследованиям. Очевиден и вектор таких исследований – это вопросы нетрадиционных, неконвенциональных, деструктивных форм политической активности.

Предварительный анализ зарубежной и отечественной научной литературы по указанной проблематике позволяет предположить, что западные концепции неконвенционального политического участия более динамичны и прошли определенный эволюционный путь. С одной стороны, это легко объясняется более длительным существованием и развитием западной политической науки, с другой – вероятно, достаточно быстро меняются качественные характеристики западных политических систем. Данные изменения, в частности, отражены в концепциях неконвенционального политического участия.

В российской политической науке проблематика неконвенционального политического участия, непосредственно связанная с формами коммуникации власти и общества, остается слабо концептуализированной. Так, в настоящий момент не сложилось однозначных трактовок неконвенционального политического участия, не уточнены критерии типологизации форм неконвенциональной активности. Также открытым остается вопрос: «Насколько западные концепции неконвенционального участия применимы для объяснения аналогичных явлений в отечественной практике?» В связи с этим целью статьи является сравнение подходов к неконвенциональному политическому участию в зарубежной и отечественной политической науке.

В рамках западной политологии концептуализация неконвенционального политического участия осуществляется достаточно давно. На данный момент существует ряд научных исследований, направленных на изучение проблематики неконвенционального участия и отражающих новые подходы к пониманию и восприятию данного феномена. Следует проанализировать ключевые подходы к неконвенциональному политическому участию, сложившиеся в западной политической науке, и сопоставить с российским опытом осмысления данного явления. Неконвенциональное политическое участие сегодня тесно вплетено в контекст демократического функционирования западных политических систем. В то время как в странах постсоветского пространства, в частности в России, неконвенциональное участие воспринимается в качестве угрозы стабильности политической системе. Происходит это не столько в силу слабости механизмов обратной связи между властью и обществом, сколько по причине использования каналов партиципации третьими лицами для вмешательства во внутреннюю политику государства.

Возвращаясь к анализу западных концепций неконвенционального политического участия, следует отметить, что типологизация политического участия на конвенциональное и неконвенциональное была осуществлена в конце 1970-х гг. С. Барнсом и М. Каазе [1, С. 607]. К конвенциональным формам политического участия были отнесены институционализированные способы политического действия, связанные с заинтересованностью субъекта политического участия (обсуждение политики, взаимодействие с должностными лицами, членство в политической партии, участие в избирательном процессе). Напротив, неконвенциональное политическое участие связывалось в первую очередь с протестом и включало тактику демонстраций, бойкотов, забастовок, блокирования движения транспорта и т. д.

Со временем в западной науке были конкретизированы типологии политического участия, в частности, электоральное участие, которое не требует интенсивных усилий и не связано с твердой приверженностью, было выделено в качестве самостоятельного типа участия. Голосование ограничивается только формальными правилами (например, гражданством). Под конвенциональной активностью стали рассматриваться традиционные формы участия, связанные с политическими партиями. Данные формы участия предполагают институциональность и требуют определенной степени приверженности, а также более высокий уровень вовлеченности в случае участия в избирательной кампании. Неконвенциональные формы участия охватывают широкий круг менее длительных или активных политических действий за пределами партийной партиципации. Это все те же формы политического участия, сопряженные с акциями протеста. Наконец, к отдельной категории форм политического участия относят нелегальную политическую партиципацию, которая находится вне правовых рамок (например, любые акции, сопряженные с насилием) [2].

Существует еще одна типология политического участия, которая может быть соотнесена с конвенциональными и неконвенциональными формами политического участия. Критерием данной типологии выступает субъект политического участия: индивид, группа [3]. На первый взгляд, неконвенциональное политическое участие носит скорее коллективный характер в отличие от индивидуализированных форм электорального и конвенционального участия, предполагающих высокий уровень вовлеченности. Массовость неконвенционального политического участия и неинституционализированные формы его осуществления способны превращать политическую активность в фактор дестабилизации политической системы. Тем не менее представляются значимыми и индивидуализированные формы неконвенционального участия, как правило, новые формы политической вовлеченности.

В этом отношении представляет интерес попытка зарубежного исследователя политического участия Я. Ламприану дать разветвленную типологию неконвенционального политического участия. Исследователь предлагает неконвенциональное политическое участие классифицировать на: неофициальное (неинституционализированное) политическое участие (неофициальные забастовки и демонстрации); экстремистскую активность, включающую в себя прежде всего

насильственные формы; альтернативные формы политического участия, занимающие «отстраненную» позицию по отношению к официальным институтам. В перечень альтернативных форм участия включены достаточно разнообразные явления, начиная от электронной музыки, представляющей собой вариант неформальной культуры, и заканчивая нестандартными формами участия, которые не привносят в повестку дня идей социальных преобразований [4, С. 26]. Введение в классификацию альтернативных форм участия, не имеющих, на первый взгляд, политической основы, актуализируют на перспективу вопросы взаимосвязи и границ социального и политического протеста как основы неконвенциональной партиципации.

Наряду с приведенной типологией выделяют правовой подход к пониманию конвенционального / неконвенционального политического участия. В основу разграничения данных форм участия вносят их соответствие / несоответствие формальным нормам. Таким образом, политическое участие может быть «законным» либо «незаконным». При этом политическое участие классифицируют на демократическое участие, включающее в себя как конвенциональные, так и неконвенциональные формы законной деятельности, и на агрессивное участие (гражданское неповиновение и политическое насилие) [5].

Очевидно, что в рамках западной политической науки неконвенциональное участие рассматривается в качестве неотъемлемого элемента демократического процесса и обычно, особенно среди молодежи, оно дополняет конвенциональное участие, а не заменяет его [6]. Кроме того, протест – особенно видимый протест, такой как уличные демонстрации, имеет жизненно важное значение для демократии. Без протеста невозможно представить формирование демократических государств. Протест также выступает в качестве необходимой проверки, которая помогает сбалансировать институты власти [7]. Следует отметить, что данное утверждение верно в отношении демократических политических систем, которые предоставляют гражданам достаточно широкий перечень форм политического участия. Протестные формы участия, хоть и обозначаются как неконвенциональные, тем не менее рассматриваются как формы, дополняющие конвенциональное политическое участие.

Не менее важным является вопрос соотношения конвенциональной и неконвенциональной активности, поскольку позволяет понять весь спектр форм политического участия, реализуемых в рамках конкретной политической системы. Определенный период времени существовала уверенность в том, что необходимо разграничивать субъектов протеста и субъектов конвенционального политического участия. В соответствии с данным подходом, индивид, как правило, включается либо в конвенциональные, либо в неконвенциональные формы политического участия, например, протестующие не участвуют в голосовании, пожертвовании денег на избирательные кампании кандидатов. Однако новые исследования свидетельствуют о связи между протестом и конвенциональным участием. Л. Джасни отмечает, что проводимые на протяжении нескольких лет исследования подтверждают структурную эквивалентность протеста другим способам взаимодействия. Поэтому протест вписывается в стандартную парадигму, которая

характеризует политическое участие, в частности в США. Рассматривая протест в сочетании с конвенциональными формами участия, исследователь эмпирически подтверждает, что с течением времени протест воспринимается как нормальное явление [8, С. 3].

Протестный характер практик неконвенционального политического участия подчеркивает И. Питти. По мнению автора, наряду с протестным характером неконвенциональной партиципации свойственны: использование инновационного (нетрадиционного) репертуара действий; выражение неортодоксальных ценностей; ситуация, когда субъекты неконвенционального участия не придерживаются норм, установленных политической системой. Протестный и неинституциональный характер политического участия дополняется ценностной составляющей. Как известно, вопрос ценностей в политике тесно связан с понятием идеологии [9].

Действительно, неконвенциональные политические действия имеют идеологические основания. Новейшие исследования политического участия, осуществленные за рубежом, выявляют некоторые тенденции взаимосвязи идеологии и неконвенциональной активности. В свете традиционной типологии идеологий по месту в политическом спектре (левые, центристы, правые) определено, что в западных демократических системах сторонники левых идеологических позиций политического спектра склонны проявлять более высокую политическую активность, а также в большей мере вовлечены в неконвенциональное политическое участие. В свою очередь правые менее склонны участвовать в акциях протеста. При этом существует ряд условий активности носителей правых и левых идеологических установок:

1. Носители левых идеологических установок являются более активными участниками политической жизни.

2. Граждане, имеющие оппозиционный статус, в большей мере вовлечены в партиципацию, чем сторонники правящих политических сил.

3. В период кризиса правая идеологическая ориентация правительства способствует повышению гражданского участия.

4. Граждане, имеющие оппозиционный статус и идентифицирующие себя с левыми идеологическими позициями, будут включены в партиципацию существеннее, чем люди, имеющие оппозиционный статус, но идентифицирующие себя с правыми идеологиями.

5. Когда правительство проявляет тенденцию к правым (левым) идеологическим позициям, левые (правые) будут участвовать более (менее) активно, чем люди, которые занимают правые (левые) позиции в политическом спектре [10].

В рамках западных исследований неконвенционального участия представлены работы, изучающие взаимосвязь возраста и готовность включения в формы неконвенциональной активности. Европейские исследователи неоднократно подчеркивали рост политической апатии среди молодежи, однако эта апатия в большей мере касается электоральных форм политического участия и не распространяется на формы прямого политического действия. Результаты исследований свидетельствуют о том, что европейская молодежь (немецкие,

французские и британские граждане) в два раза чаще участвуют в демонстрациях и подписании петиций по сравнению с пожилыми гражданами.

Анализируя формы политического участия в четырех возрастных категориях: молодые люди (в возрасте 15–33 лет), взрослые (34–49), средний возраст (50–65 лет) и пожилые люди (66 лет и старше), при помощи статистических методов, по данным Европейского социального опроса (ESS – академическое научное сравнительное межстрановое исследование, которое проводится методом опроса населения каждые два года в большинстве европейских стран с 2001 г.), исследователями были выявлены существенные различия в предпочтительном режиме политического участия в возрастных группах. Как и ожидалось, нашла подтверждение гипотеза о том, что молодые люди менее вовлечены в традиционные формы участия, такие как голосование, по сравнению с более старшими поколениями. При рассмотрении неконвенционального участия шаблоны взаимодействия также резко различаются. При измерении участия в демонстрациях была выявлена обратная пропорциональная связь между старением и данной формой участия. Иными словами, пожилые люди по существу реже участвуют в демонстрациях, в то время как две первые возрастные группы активно участвуют в демонстрациях [11].

Индексы политического участия (конвенционального и неконвенционального), рассчитанные на основе данных мирового проекта Всемирный обзор ценностей (World Values Survey), подтверждают достаточно высокую готовность граждан демократических систем включаться как в конвенциональные, так и неконвенциональные формы политического участия. Индексы неконвенционального участия (2015 г.) имеют наиболее высокие значения в Австралии и Новой Зеландии, США, Европе (ЕС) и составляют соответственно 3,35; 3,12; 2,68, где 1 – низкий уровень, 5 – высокий. Минимальные значения Индекса неконвенционального участия имеют два региона: страны Ближнего Востока и Евразия (постсоветское пространство) – 1,78 и 1,61, соответственно.

Таким образом, высокие показатели готовности граждан участвовать в политике неконвенциональными способами при достаточно высокой устойчивости западных демократических систем подтверждают конвергенцию конвенциональных и неконвенциональных форм партиципации. Неконвенциональная партиципация не рассматривается в качестве дестабилизатора власти, а скорее, как способ корректировки принимаемых политических решений.

Несколько иные подходы к пониманию неконвенционального политического участия сложились в отечественной политической науке, получившей импульсы к развитию в 1990-е гг. В данный период времени феномен неконвенционального политического участия рассматривался в большей мере с позиций его дестабилизирующего влияния на политическую систему. В переходных политических системах постсоветского пространства, отличающихся повышенной неустойчивостью при слабости демократических механизмов, неконвенциональная партиципация могла рассматриваться с точки зрения ее негативных эффектов для устойчивости политической системы. Со временем политическая практика показала, что даже конвенциональная активность может под воздействием

определенных факторов приобретать неконвенциональный характер, превращая мирные протесты в инструмент свержения политического режима неконвенциональным путем.

Следовательно, неконвенциональное политическое участие в политических системах переходного типа не рассматривается в качестве распространенной практики. Лишь отдельные формы неконвенционального политического участия могут рассматриваться в качестве дополнения к конвенциональной партиципации, и их перечень зависит от текущей политической ситуации и направленности политического курса. Столь неоднозначны и подходы к пониманию неконвенционального политического участия в отечественной политической науке. В словаре-справочнике приводится определение неконвенционального участия, созвучное трактовке, предложенной У. Милбрайтом, где рассматриваемый феномен понимается как политическая деятельность, признаваемая незаконной и отвергаемая большей частью общества по моральным, религиозным и иным соображениям. Неконвенциональное политическое участие подразделяется на ненасильственные активные формы (демонстрации, пикеты, митинги и т. п.) и насильственные формы (терроризм, бунт и т. п.) [12]. Здесь видим явное противоречие: в соответствии с данным определением, участие в демонстрациях и митингах признается незаконным, хотя конституции современных государств, провозглашающие демократические ценности, предоставляют гражданам политические права и свободы.

Менее радикальный подход, но в то же время не лишенный некоторых недостатков, предложен В. В. Сафроновым, который предлагает разграничивать конвенциональные, неконвенциональные, протестные и насильственные формы политического участия. Конвенциональное политическое участие строится в соответствии с нормами права или традициями, которые регулируют участие людей в политике при данном политическом режиме. Неконвенциональное участие предполагает активность, выходящую за рамки системы представительства интересов, которая при этом остается в рамках закона. Политический протест отличается от неконвенционального участия тем, что в его основе акции, не предусмотренные законом, но и в то же время не предполагающие обращения к насилию. Политические действия, нарушающие последнее условие, относят к политическому насилию [13].

Однако такие формы неконвенционального политического участия, как демонстрации и митинги, в большинстве своем связаны с общественным или политическим протестом. Более того, на постсоветском пространстве было довольно много прецедентов, когда участники разрешенных демонстраций и митингов в ходе данных акций отказывались выполнять требования власти. В такой ситуации становится очевидным «сплетение» неконвенциональных и протестных форм политического участия. Таким образом, протестное участие вряд ли может быть вписанным в одномерную иерархию между неконвенциональным участием и политическим насилием, о которых пишет В. В. Сафронов.

Данную точку зрения разделяет российский исследователь М. Р. Сабитов, который считает, что в современных условиях политический протест может быть не

только неконвенциональным, но и конвенциональным. К конвенциональным формам политического протеста различного уровня активности отнесены: протестный абсентеизм, чтение оппозиционных СМИ, участие в виртуальных «социальных сетях» протестной направленности, участие в работе оппозиционных партий и в избирательных кампаниях и др. [14].

Теоретически обозначенная позиция близка к подходам, озвученным зарубежными исследователями, в частности, вышеупомянутой Л. Джасни. Однако на практике в России, а также большинстве стран постсоветского пространства, протесты рассматриваются как неконвенциональное политическое участие, обладающее дестабилизирующим потенциалом. Это объясняется конкретными причинами. История России последних двух столетий подтверждает, что политический протест, как правило, направлен на изменение всей политической системы, вследствие чего и возникает настороженность политических элит. Не меньшую угрозу устойчивости политической системы создают технологии «цветных» революций, получившие практическую реализацию во многих переходных обществах.

В то же время протестная активность имеет достаточно широкий спектр причин, не ограничиваясь сугубо политическими, поэтому не следует отождествлять политический протест и протестную активность. Как таковая протестная активность, не связанная с политическими требованиями, является своеобразным механизмом обратной связи в политической системе, посредством которой власть может видеть конфликтогенные сферы в обществе.

Масштабы вовлеченности в политические протесты в России весьма невысоки. По результатам всероссийского мониторинга Центра экономических и политических реформ (ЦЭПР), протестная активность в России на протяжении 2016 – начала 2017 гг. была высока, однако протесты были связаны с конкретными проблемами, волнующими население, – невыплаты зарплат, требования обманутых вкладчиков и дольщиков, рост тарифов ЖКХ, застройка территорий, недовольство предпринимателей условиями регулирования их деятельности. Во втором квартале 2017 года было зафиксировано 378 протестов, из которых 205 были связаны с социально-экономической тематикой, 148 – это политические протесты и 25 – это трудовые протесты [15].

Как видим, по результатам проведенных исследований, политические протесты в спектре протестной активности занимают долю чуть более трети; не приобретают массовых форм и носят локальный характер. В целом ценностная и социально-демографическая структура российского политического протеста достаточно размыта: присутствуют носители различных идеологических взглядов, которых объединяет оппозиционность действующей власти, при этом у них отсутствует единая идеологическая платформа. Социально-демографическая структура политического протеста в России включает в себя разнообразные демографические и статусные группы без доминирования какой-либо из них.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы в отношении понимания неконвенционального политического участия в западной и отечественной науке.

В западной политической науке неконвенциональное политическое участие выступает в качестве неотъемлемого элемента демократического механизма власти. Неконвенциональное участие может носить протестный ненасильственный характер, опираться на неинституционализованные массовые формы действий, но при этом не рассматриваться на практике в виде угрозы стабильности политической системы. Политические системы постсоветского пространства, обладая более жестким политическим режимом власти, в функциональном аспекте качественно отличаются от западных систем. Неконвенциональное политическое участие тесно связано с политическим протестом и рассматривается с позиций угрозы стабильности политической системы.

В отечественной политической науке наблюдается копирование западных подходов к пониманию неконвенционального политического участия, без учета специфики российской политической культуры. Западный и отечественный опыт неконвенциональной партиципации существенно отличаются по многим параметрам, в частности, по масштабам участия, степени приемлемости такого типа активности в обществе, базовым характеристикам акторов и их ценностным ориентациям. Следовательно, западные концепции неконвенционального участия не могут быть в полной мере использованы для объяснения неконвенциональной партиципации в России.

Список литературы

1. Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies / By Samuel H. Barnes, Max Kaase et al. – Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1979. – 640 p.
2. Reichert F. Conditions and Constraints of Political Participation Among Turkish Students in Germany // Cogent Psychology. – 2017. – 4:1. URL: <https://www.cogentoa.com/article/10.1080/23311908.2017.1351675.pdf> DOI: 10.1080/23311908.2017.1351675 (дата обращения: 12.04.2019)
3. Tilly C., Tarrow S. Contentious Politics. – Lanham: Paragon Press, 2006. – 245 p.
4. Lamprinou I. Contemporary Political Participation Research: A Critical Assessment / Democracy in transition. Political Participation in the European Union. – Springer, Berlin, Heidelberg, 2013. – P. 21–42.
5. Muller E. N. An Explanatory Model for Differing Types of Participation // European Journal of Political Research. – 1982. – № 10. – P. 1–16.
6. Gavray A., Fournier B., Born M. Non-conventional / Illegal Political Participation of Male and Female Youths // Human Affairs. – 2012. – № 22 (3). – P. 405–418.
7. Saunders C. Anti-politics in Action? Do European Protesters Hate Formal Politics More or Less than the General Public? URL: <http://podcasts.ox.ac.uk/anti-politics-action-do-european-protesters-hate-formal-politics-more-general-public> (дата обращения: 24.04.2019)
8. Haerpfer C., Kizilova K. Patterns of Participation: Investigating the Relationship Between «Conventional» and «Unconventional» Political Engagement // European journal of law and political sciences. – 2016. – № 3. – P. 22–24.
9. Pitti I. Young People and Unconventional Political Engagement / In: Youth and Unconventional Political Engagement. – Palgrave Macmillan, Cham, 2018. – P. 23–38.
10. Memoli V. Unconventional Participation in Time of Crisis: How Ideology Shapes Citizens' Political Actions // Partecipazione e Conflitto. – 2016. – Vol 9. – P. 127-151. DOI:10.1285/i20356609v9i1p127
11. Melo D. F., Stockemer D. Evidence from Britain, France and Germany Shows Young People are Engaged in More Direct Forms of Political Participation, beyond Voting. URL: http://eprints.lse.ac.uk/56293/1/democraticaudit.com-Evidence_from_Britain_France_and_Germany_shows_young_people_are_engaged_in_more_direct_form_s_of_polit.pdf (дата обращения: 23.04.2019)

12. Василик М. Политология: Словарь-справочник / М. А. Василик, М. С. Вершинин и др. – М.: Гардарики, 2001. – 328 с. URL: <https://www.novsu.ru/npc/files/um/1412/bg/shell/arh/slov/Василик%20М.%20Политология%20Словарь-справочник.htm> (дата обращения: 23.04.2019)
13. Сафронов В. В. Потенциал протеста и демократическая перспектива / В. В. Сафронов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – №4. – Т.1. – С. 116–130. URL: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/1998_4/Safronov_1998_4.pdf (дата обращения 23.04.2019)
14. Сабитов М. Р. Политический протест: теоретические проблемы дефиниции и типология / М. Р. Сабитов // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2012. – № 9 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/politicheskiy-protest-teoreticheskie-problemy-definitcii-i-tipologiya> (дата обращения 23.04.2019)
15. Киценко И. Протесты политические и социальные: почему в России растет число недовольных? URL: <https://salt.zone/radio/8281><https://salt.zone/radio/828> (дата обращения: 30.04.2019)

Maksimova E. N. Unconventional Political Participation in Western and Domestic Political Science: a Comparative Approach // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 3. – P. 63–73.

The article raises the problem of conceptualization of unconventional political participation. The approaches to the understanding of unconventional political participation that have developed in Western political science are analyzed and compared with the approaches used in domestic political science to this kind of phenomena. The author traces the transformation of approaches to non-conventional political participation in foreign science since the 1970s to the present. Certain changes in the understanding of the phenomenon under study in Western political science are revealed: the convergence of conventional and non-conventional forms of participation; expansion and branching of typologies of political participation; adaptation of political systems to political protests, etc. It is noted that in domestic political science, if there are different approaches to understanding non-conventional participation, positions dominate, focusing on its destabilizing potential, which is confirmed by specific cases of political practice. In conclusion, the author comes to the conclusion that Western concepts of non-conventional participation cannot be fully used to explain non-conventional participation in Russia.

Keywords: political participation, non-conventional political participation, political protest, political system.

References

1. Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies. By Samuel H. Barnes, Max Kaase et al. Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1979, 640 p.
2. Reichert F. Conditions and Constraints of Political Participation Among Turkish Students in Germany. *Cogent Psychology*, 2017, 4:1. URL: <https://www.cogentoa.com/article/10.1080/23311908.2017.1351675.pdf> DOI: 10.1080/23311908.2017.1351675 (Accessed: 12.04.2019)
3. Tilly C., Tarrow S. *Contentious Politics*. Lanham: Paragon Press, 2006, 245 p.
4. Lamprinou I. *Contemporary Political Participation Research: A Critical Assessment*. Democracy in transition. Political Participation in the European Union. Springer, Berlin, Heidelberg, 2013, P. 21–42.
5. Muller E. N. An Explanatory Model for Differing Types of Participation. *European Journal of Political Research*, 1982, №10, P.1–16.
6. Gavray A., Fournier B., Born M. Non-conventional / illegal Political Participation of Male and Female Youths. *Human Affairs*, 2012, № 22 (3), P. 405–418.
7. Saunders C. Anti-politics in Action? Do European Protesters Hate Formal Politics More or Less than the General Public? URL: <http://podcasts.ox.ac.uk/anti-politics-action-do-european-protesters-hate-formal-politics-more-general-public> (Accessed: 24.04.2019)

8. Haerpfer C., Kizilova K. Patterns of Participation: Investigating the Relationship Between «Conventional» and «Unconventional» Political Engagement. *European journal of law and political sciences*, 2016, № 3, P. 22–24.
9. Pitti I. Young People and Unconventional Political Engagement. In: *Youth and Unconventional Political Engagement*. Palgrave Macmillan, Cham, 2018, P. 23–38.
10. Memoli V. Unconventional Participation in Time of Crisis: How Ideology Shapes Citizens' Political Actions. *Partecipazione e Conflitto*, 2016, Vol 9, P. 127–151. DOI:10.1285/i20356609v9i1p127
11. Melo D. F., Stockemer D. Evidence from Britain, France and Germany Shows Young People are Engaged in More Direct Forms of Political Participation, beyond Voting. URL: [http://eprints.lse.ac.uk/56293/1/democraticaudit-com-Evidence from Britain France and Germany shows young people are engaged in more direct forms of polit.pdf](http://eprints.lse.ac.uk/56293/1/democraticaudit-com-Evidence%20from%20Britain%20France%20and%20Germany%20shows%20young%20people%20are%20engaged%20in%20more%20direct%20forms%20of%20polit.pdf) (Accessed: 23.04.2019)
12. Vasilik M. *Politologiya: Slovar'-spravochnik* [Political Science: a Reference Book]. M.: Gardariki, 2001, 328 p. URL: <https://www.novsu.ru/npe/files/um/1412/bg/shell/arh/slov/Василик%20М.%20Политология%20Словарь-справочник.htm> (Accessed: 23 April 2019)
13. Safronov V. V. Potentsial protesta i demokraticeskaya perspektiva [The Potential of the Protest and the Democratic Prospect]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 1998, № 4, T. 1., P. 116–130 URL: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/1998_4/Safronov_1998_4.pdf (Accessed: 23 April 2019)
14. Sabitov M. R. Politicheskij protest: teoreticheskie problemy definicii i tipologii. [Political Protest: Theoretical Problems of Definition and Typology]. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem (elektronnyj nauchnyj zhurnal)*. [Modern Studies of Social Problems (Electronic Scientific Journal)]. 2012, № 9 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/politicheskij-protest-teoreticheskie-problemy-definitsii-i-tipologiya> (Accessed; 23.04.2019)
15. Kitsenko I. Protesty politicheskie i sotsial'nye: pochemu v Rossii rastet chislo nedovol'nykh [Political and Social Protests: Why the Number of Dissatisfied People in Russia is Growing?]. URL: <https://salt.zone/radio/8281https://salt.zone/radio/828> (Accessed:30 April 2019)